

Небольшая деревянная иконка висит на восточной стене моей комнаты. На ней изображен пожилой человек: аккуратная борода, усы, на голове корона или богатая шапка, скорее, «митра». От взгляда его карих внимательных глаз трудно укрыться, кажется, что они везде следят за тобой. От них веет теплом, спокойствием и глубоким ощущением присутствия: «Я здесь! Я с тобой! Ничего не бойся!» — говорит этот взгляд.

Это маленькое изображение мудрости давно сопровождает меня по жизни. И каждый раз, проходя мимо него, я останавливаюсь и замираю на мгновение, вглядываясь в спокойное умиротворенное лицо. Вот и сейчас эти карие глаза спросили: «А ты помнишь?..»

Шел третий год Великой Отечественной войны. (Хотя тогда она так не называлась...)

Тысячи беженцев перемещались по территории нашей Родины на восток. Каждый из них тащил с собой самое ценное. Для человека самое дорогое — это дети. Детей, женщин, заводы и фабрики страна эвакуировала на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток.

Совсем незнакомые люди делились с ними, кто чем мог, как говорили, «чем Бог послал». Помощь ближнему — неотъемлемая черта характера русского народа. Война сблизила людей разных национальностей и вероисповеданий...

В маленьком сибирском городке зима прочно укоренялась. Она по-хозяйски засыпала все пушистым снегом, сковала берега и речные отмели льдом, украсила деревья серебристым инеем, пугала жителей вьюгами, метелями и первыми морозцами. Но для детей зима — любимое время года, им не страшны никакие морозы...

Трель последнего звонка смешалась с криками выбегающих школьников. Школа быстро опустела.

Маленькая голубоглазая девчонка в лохматой шапке, стареньком пальто и потертых валенках вприпрыжку бежит к ледяной горке. Это был длинный склон к реке,

на котором детвора каталась всю зиму. Сегодня Алка, так ее звали, наконец-то, получила четверку. Теперь-то она вдоволь накатается на санках по свежему снегу. Еще издалека она увидела Гришку и Сашку, которые, пыхтя, разворачивали большие сани. Мальчишки, не заметив Алку, стали усаживаться. Быстрым движением, отбросив на снег холщевую сумку, которая заменяла ей портфель, девчонка стала толкать их, вскочив на полозья, они с хохотом стремительно покатались вниз. Как здорово, ощущать скорость, когда ветер обжигает щеки и из глаз катятся слезы, а ты летишь, как ракета, и кажется, что сердце вот — вот выскочит наружу!

Так вместе ребята катались с горы, не обращая внимания на крепчающий мороз и пронизывающий ветер. Наступили сумерки, и они, усталые, но довольные, отправились домой.

Рано утром Вера, мама Алки, собиралась на работу. Как обычно, она начала будить дочку, но та никак не просыпалась, бормотала что-то в бреду. Было ясно, у нее высокая температура. Нужно вызывать фельдшера, поэтому Вера побежала в больницу, а когда вернулась, то увидела, что ноги у девочки распухли и были все красные, как огонь.

Молодая докторша, осмотрев больную, назначила лечение от простуды. Прошло несколько дней, но ни лекарства, ни компрессы, ничего не помогало. Алла угасала на глазах. Она не могла ходить, почти ничего не ела, плохо спала. Вера не знала, что делать, вся в слезах пошла к подруге Зине за советом. У нее была знакомая тетка, которая лечила народными средствами и молитвами. Зинаида рассказала, что тетя Паня живет при церкви, потеряв в Подмосковье всю семью: муж погиб на фронте, сын пропал без вести, дом сгорел. Она приехала сюда в санитарном поезде, ухаживает за ранеными в госпитале, который при церкви, живет в маленькой комнатухе. Ее бабушка была известной целительницей, которая спасла многих больных.

Маленькая Паня с детства помогала ей собирать травы, варить отвары и запоминала молитвы, которые читала старушка. Вот теперь, когда у нее никого не осталось из родных и близких, она обрела смысл жизни, помогает больным и раненым людям. Подруги отравились в церковь, где можно было ее найти.

Вера давно не была в церкви, но с детства знала несколько молитв, и поэтому, войдя, начала креститься и просить Бога о спасении дочери. Вдруг сзади к ней подошла женщина, одетая очень скромно. Тяжелым взглядом она посмотрела на Веру и сказала:

— Я помогу вашей дочке, но ее надо окрестить, ведь она у вас не крещенная.

На следующий день, рано утром, Аллу повезли на санках в церковь. Девчонка, как тряпичная кукла, завернутая в одеяло, равнодушно покачивалась из стороны в сторону. Ей уже не верилось, что она снова будет ходить.

Алка не помнила, как шел обряд крещения, но когда баба Паня держала ее за руку, почувствовала тепло, исходящее от этого человека. Батюшка надел ей на шею маленький деревянный крестик на веревочке, три раза окропил святой водой и громко произнес:

— Крещается Раба Божья Галина.

Чуть позже девочка лежала в крохотной комнатке, где жила Степанида, так важно называли тетю Паню в церкви. Теперь осмотрела больную и сказала:

— Не надо ей ноги парить, у нее — рожа. Сейчас привяжем красную тряпку с мелом и будем молить о спасении Рабы Божьей Галины.

Вера опустила глаза и тихо произнесла:

— Спасибо вам, только у нас нет иконы, чтобы молиться.

Женщина улыбнулась:

— Что ж, теперь я крестная, подарю ей икону Святителя Николая, пусть он охраняет и покровительствует ей.

Степанида бережно взяла с полочки над кроватью маленькую иконку и протянула ее девочке, которая внимательно смотрела на светлый лик.

— А почему вы назвали меня Галиной, ведь я — Алка?

— Уж больно ты шустрая, будешь в крещении Галиной, ведь Галина — это означает тишина и кротость, которой тебе не хватает.

Через несколько дней девочка выздоровела, она верила, что помог ей добрый Николай Чудотворец и крестная Степанида.

Прошли годы. Когда Алла получала паспорт, то стала Галиной. До конца своих дней она помнила чудо с ее выздоровлением, поэтому всегда молилась Святому Николаю, а иконка, подаренная ей крестной матерью, теперь охраняет от болезней и бед ее детей и внуков.

АТЕИСТКА

Посвящается моей прабабушке

До шести лет я никогда не видела икон, да честно говоря, ничего не знала и о Боге. Жила с дедушкой и бабушкой и любила единственный христианский праздник — Пасху. Бабушка Вера всегда пекла куличи, а я крутилась рядом и помогала украшать их.

Но однажды к нам в гости приехала моя прабабушка — Анна Матвеевна, так важно называл ее дедушка. Она была небольшого роста, худощавая, но голову держала гордо, чувствовалось, что она любит командовать и руководить всеми. Прожила Матвеевна длинную и трудную жизнь: две страшные войны унесли трех сыновей, муж Григорий умер еще в молодости, и ей пришлось тянуть одиннадцать детей. Почти всю жизнь Матвеевна провела в Полтавской области у старшего сына Петра.

Я встретила прабабушку настороженно, хотя нравилось, что она разговаривала со мной как со взрослой. Потом я полюбила сидеть рядом с ней и слушать ее воспоминания о прожитых днях. Когда она рассказывала о прадедушке Григории, о своих детях, ее морщинистое лицо оживало, а глаза светились добрым светом. Прабабушка сразу же по приезду достала из старого потертого чемодана три иконки и сказала: «Живете без Бога, а так нельзя». Вечером дедушка повесил иконы в углу комнаты, но было видно, что ему это не нравится. Я внимательно смотрела на иконы, и мне казалось, что святые, изображенные на них, следят за мной строгим взглядом. Прабабушка начала молиться, читая «Отче наш» и другие молитвы из толстой потрепанной книги, которая называлась «Библия». Я сидела, не шелохнувшись, и тихий монотонный шепот, обращенный к Богу, успокаивал меня. Когда бабушка закончила, я попросила ее:

— Расскажи мне про эти иконы.

Она вздохнула:

— Эх! Ты, егоза, ведь вся в деда Федю — атеистка.

— А что такое атеистка? — спросила я.

— Это человек, не верующий в Бога, но ты хоть крещеная, а крест не носишь, молитв не знаешь, да и иконы первый раз видишь. Вот это — Иисус Христос, наш Бог, а это — Богородица — его мать, а рядом Святой Николай Угодник. Вот научу тебя молиться, чтобы Господь помогал тебе в жизни.

— Бабушка, как же Боженька поможет мне, когда он высоко на небе, а я на земле?

— Не веришь, а я расскажу тебе один случай из жизни, который был с моим сы-

ном Сашей,— начала рассказывать Матвеевна.— Когда ему было семнадцать лет, он работал на металлургическом заводе в городе. По вечерам учился на рабфаке, поддерживал большевиков и собирался вступить в партию коммунистов. Летом приехал ко мне в деревню подремонтировать крышу. А времена были не спокойные: в городе у власти — красные, а в деревнях появлялись анархисты. И надо же было этому случиться, что к вечеру приехали на бричках эти самые анархисты. Схватили председателя и еще нескольких человек, кто был у власти. Начали по домам ходить, забирать скот и продукты. Я уговаривала Сашку спрятаться на сеновале или в подвале, но он отказался. Молодой был, горячий, говорит: «Не позволю родной дом грабить». Сцепился в драке с одним из анархистов, но тому на помощь подскочили еще несколько человек. Сашку избили, связали руки, бросили в бричку. Я начала плакать, подбежала к бричке, обняла сына и надела ему на шею маленькую иконку Богородицы. Ведь кроме Бога не к кому мне было обратиться. Всю ночь я в слезах стояла на коленях перед образами и молила о спасении сына. На рассвете, как только запели петухи, я услышала тихий стук. Выглянула в окно и не поверила: на пороге в одном нижнем белье стоял мой Сашка. Он был бледный, как полотно, глаза печальные, за одну ночь он стал намного старше. Когда через час он пришел в себя, то рассказал мне, как убежал от анархистов.

На рассвете собрали всех наших, посадили в бричку и повезли в лес. Председатель, сидевший рядом с Сашкой, шепнул ему: « На поле рванем россыпью, авось, кто выживет». Парень побледнел, поняв, что их везут на расстрел, кому охота умирать в семнадцать лет. По краям брички сидели четыре вооруженных бандита, двое из них дремали, покачиваясь из стороны в сторону. Сашка решил, что надо рискнуть. Он почувствовал в груди что-то холодное и вспомнил о материнской иконке. В детстве он знал несколько молитв, но сейчас все вылетело из головы, поэтому он мысленно обратился к Богу и прошептал: «Боже, помоги мне! Спаси и сохрани раба Божьего Александра!» Начало светать, и бричка подъехала к полю, засеянному пшеницей, скоро должен быть крутой поворот. Председатель толкнул его в бок, и Саша понял, что надо прыгать. Дальше все произошло как во сне, он слышал крики, стрельбу, ржание лошадей, свист пуль. Но он катился вниз, в овраг, который находился у края поля, потом маленький пруд и огороды. Не веря, что еще живой. Немного отдышавшись, Сашка огородами пробрался к своей хате, где его встретила заплаканная мать,— закончила свой рассказ бабушка. Затем погладила меня по голове и сказала: — Ведь это Господь спас его.

— А что же потом было с Сашкой? — спросила я.

— Через день анархисты сбежали. Тех, кого расстреляли, похоронили. В живых осталось только двое — Сашка и председатель, который был ранен в плечо. Теперь сын мой Александр Григорьевич живет в Харькове, большой начальник, коммунист, но в душе верит в Бога.— Бабушка замолчала, и лишь слеза блестела на ее щеке.

На следующий день я выучила несколько небольших молитв. Наблюдая за мной, прабабушка очень радовалась, что я так быстро учусь.

Через несколько дней я читала отрывки из Библии.

В одно из воскресений дедушка услышал, как я читала молитву, кланялась и крестилась перед иконами.

— Что ты, старая, с ума сошла, научила ребенка молиться?! Девчонке идти в первый класс, а она вместо «Букваря» читает Библию. Я — коммунист, не позволю, чтобы в моем доме церковь устраивали,— закричал он.

Анна Матвеевна гордо подняла голову, и сказала:

— Хорошая у тебя, Федька, внучка, добрая, любознательная, хоть и егоза. А я

специально ее не учила, она сама к Богу потянулась. Не нравится тебе, что я приехала к вам, так уеду назад к Петру, он мне молиться не запрещает, да и умирать мне надо рядом с мужем, Григорием.

Весь вечер бабушка Вера плакала и уговаривала свою мать остаться. Но прабабушка Анна вздохнула и сказала: «Вот вырастила вас всех, а на старости лет не к кому притулиться. Я понимаю, у каждого своя семья. Поеду назад в домой, мне там лучше, все родное и близкое».

А потом мы провожали прабабушку Анну Матвеевну. Она аккуратно сложила в чемодан свои иконы, и в комнате стало совсем пусто. Затем позвала меня к себе и сказала: «Если будет в жизни тебе тяжело, всегда обращайся к Богу, молись, проси прощения и Господь услышит тебя!»

Этот ее наказ помогает мне в жизни, а молитвы, которые мы учили с прабабушкой Анной Матвеевной, я помню до сих пор.

